

Порядок чтения книг Вселенной Упорядоченного. Буква «о» в скобках означает отступление от основного сюжета: события идут либо параллельно с основным сюжетом, либо до основного сюжета.

- Гибель богов
- Воин великой тьмы (о)
- Земля без радости (о)
- Тысяча лет Хрофта (о)
- Алмазный Меч, Деревянный Меч
- Рождение мага
- Эльфийская стража (о)
- Дочь некроманта (о)
- Странствия мага
- Вернуть посох (о)
- Одиночество мага
- Война мага
- Война ангелов (о)
- Память пламени
- Удерживая небо
- Пепел Асгарда
- Асгард возрожденный
- Хедин, враг мой
- Прошедшая вечность
- Орел и дракон
- Восстание безумных богов. Северная Ведьма (о)
- Душа бога. Том 1
- Душа бога. Том 2
(именно эта книга и завершает основную историю Упорядоченного)
- Когда мир изменился

ПРОЛОГ

ПРОРОЧЕСТВА

«Когда Два Брата обретут свободу, наступит конец времен».

«Будет народ Дану доведен до отчаяния. И когда останется их меньше, чем речных камешков в горсти, отмщение их состоится».

Гаипте Мудрая, Видящая народа Дану

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ, СИМВОЛ ВЕРЫ СПАСИТЕЛЯ

«Истинно говорю вам — бывает так, что малый грех обращает в ничто целую праведную жизнь, и за прегрешение одного страдают все. Внемите же! Праведно живите и скромно, ибо копятя грехи мира, и настанет день, когда они будут взвешены и измерены, и никто не узнает, какой из малых грехов качнет Чашу Терпения Его.

И еще, и также истинно говорю вам — трепещите! Ибо Три Зверя Спящих должны получить свободу, но не дана будет им власть вредить тварям живым сразу, а лишь по прошествии трех дней. И пока все Три не освободятся, не прольется Чаша. Так взмолимся же, дабы отвел Он от нас участь сию! Аминь».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I. БРОДЯЧИЙ ЦИРК

До Хвалина бы добраться, покуда Ливень не нагнал... Она проснулась, вырвавшись из зыбкого, зябкого сна. Сквозь щели и прорехи фургонного полога сочился промозглый октябрьский ветер. Ветхое и кургузое одеяльце не спасало, если бы не смертельная усталость, она не сомкнула бы глаз до утра. Очень болел старый шрам на шее — к дождю. Старый и страшный шрам... очень страшный...

Опять дорога. Будь она проклята. И вечное «...покуда Ливень не нагнал...», в разных вариациях повторяемое всей без исключения труппой.

Да, здешний Ливень действительно мог бы именоваться именно так, с большой буквы. Он и впрямь должен был не «зарядить», а нагнать — мрачное и темное, небесное воинство шло с востока, горизонт клубился черным, словно там, вдали, полыхали невиданные пожары — но обо всем, что касалось Смертных Ливней, люди старались говорить самыми обычными словами, как будто это могло уберечь от льющейся с небосвода смерти!

На сей раз эти слова произнес Кицум, старый клоун, никогда не расстававшийся с бутылкой. У него уже здорово тряслись руки, а изо рта пахло какой-то алхимической гадостью, даже когда он — редкое дело! — случайно оказывался трезв. На помост он выходил только после «маленького гло-

точка на удачу». Объем «глоточка» менялся от двухкулачной кружки до целой бутылки забористого гномьего «Каменного жара».

Она поежилась, тщетно пытаясь сберечь последние остатки тепла. Все, сейчас ее поднимут. Фургон остановится самое большое на несколько минут, набрать воды в придорожном колодце, а затем потащится дальше, через лесное, буреломное безлюдье, через Суболичью Пустошь, отделявшую славный град Хвалин от не менее славного града Острага.

«...Только бы успеть, покуда Ливень не нагнал...»

Они не останавливались на ночлег. Не разводили на привалах огня. Пищу кое-как варганили на железной печурке, опасая ради вынесенной за борт фургона.

Потому что, если дождь застигнет в пути, всем им можно читать отходную.

Не дожидаясь пинка в бок, девушка откинула одеяло и потянулась — легко, грациозно, словно дикая кошка. Что, кстати, было не так уж далеко от истины. Заостренные ушки и в самом деле придавали ей определенное сходство с кошкой — притом именно с дикой.

Агата — из племен Дану. Точнее, Агатой ее звали люди — за редкостные волосы, иссиня-черные, чернее воронова крыла; а как звучало ее настоящее имя, никого не волновало.

— А, очухалась... — Кицум сидел на своем облезлом сундучке и пил дымящийся чай из костяной потрескавшейся кружки. Фургон немилосердно трясло, однако старый клоун неведомым образом ухитрялся не пролить ни капли.

Боги! Кицум пьет с утра чай!

— Давай-ка за дело, остроухое отродье. Вон котлы с вечера не чищены. А воды за тебя — и сюда и господину Онфиму — Троша натаскал. Дала б, что ли, парню в благодарность...

Девушка (вернее сказать — девочка; по человеческим меркам она выглядела лет на четырнадцать, не старше; а сколько по счету нечестивцев Дану, всякий верующий в Истинного Бога никогда не станет и задумываться) насмешливо присела, пальчиками оттянув в стороны складки широких порток.

— Если ты пьешь чай, то неужто сие значит, что бочонок гномояда показал дно, о почтенный Кицум, да не опадет белизна грима с твоих щек на помосте? — Агата ловко увернулась от пущенного ей в голову драного башмака и показала старику язык.

Кицум относился к ней *лучше всех* в труппе. Если не считать, конечно, Троши, такого же парии, как и она.

Башмак врезался в полог и, завершая полет, опустился напрямик на голову рекомому Троше, молодому парню, взятому в цирк Онфима и Онфима за редкостное здоровье, от природы громадную силу и столь же громадные благоглупость с доверчивостью. Он работал с тяжелыми стальными шарами, соединенными цепью, подбрасывал их, крутил, вызывая неизменные охи, вздохи и закрывание шалями лица у дебелых купчих, по неразумию мужей угодивших на Хвалинскую, Острагскую либо Ежелинскую ярмарки. Почти каждое выступление заканчивалось тем, что хозяин Онфим-первый брал Трошу за руку и куда-то уводил, возвращаясь всякий раз весьма довольный. Парень же появлялся не иначе как на следующее утро и на жадные расспросы Тукка и Токка, братцев-акробатцев, отвечал лишь недоуменным пожиманием плеч:

«Да всю ночь на мне скакала, корова треклятая... Лучше б я шары лишний раз повертел. Удолье... чего? Не знаю я таких слов, господин Тукк, простите великодушно... Устал, вот и все. И выспаться не дали. Как всегда...»

— Ой, — дисциплинированный Троша немедля открыл глаза. — Виноват, господин Кицум... Уже встаю, господин Кицум...

— Помочь вам оправиться, господин Кицум? — искусно подделывая голос, продолжила Агата, уже склонившись над котлами.

— Болван!.. Тьфу, Агата, блудливая кошка, это опять ты! Который раз ловлюсь на твоём дурацком фокусе!..

Девушка-Дану фыркнула.

Пока не проснулись господин Онфим, братцы-акробатцы и прочие обитатели двух цирковых фургонов, она могла себе это позволить. Потом в ход пойдут кнуты или заклятья, терзающие плоть дочери племен Дану. Если, конечно, она не будет слушаться.

Агата пригнулась еще ниже.

Песок да ледяная вода — и оттирай, как хочешь, застывший жир с накипью. Как бы плохо ни шли дела, господин Онфим-первый и братцы-акробатцы, наушники и прихлебатели хозяина, в еде себе не отказывали. Правда, потом господин Онфим брал плетку и лично сгонял с повизгивающих братцев лишний жирок.

— Привет, Троша.

— Ой, привет, Агатка... — Он покраснел, в один миг сделавшись смуглым, точно запеченный солнцем дикий южанин-рыбоед с Островов.

Смешно — парень, которого на ярмарках каждый день подсовывали какой-нибудь купчине, а то и скучающей барыне из благородных, пасовал и смущался перед Агатой неимоверно. Бесхитростное его сердце, похоже, навеки оказалось пленено остроухой черноволосой девчонкой-Дану,

отвратной и богомерзкой Нелюдью, согласно авторитетному мнению господ богословов Мельина, южной имперской столицы.

— Ты принес воды, спасибо.

Не больно-то радостно начинать день со столь мерзкой процедуры, но что поделаешь. Никто не знает, что может вывести из себя господина Онфима-первого. Порой он не обращает на чистоту посуды никакого внимания, а порой закатывает из-за этого несусветные истерики, кончающиеся побоями и порками.

Троша хотел было ответить, но засмутился еще больше и только махнул рукой.

— Дык что я... я ж всегда...

— Эй вы, там, продрали глаза, ленивые тушканы? — гаркнул с козел Нодлик, вторую половину ночи просидевший за кучера. Вообще-то они с Эвелин были жонглерами; оба то и дело наставляли друг другу рога, ссорились и дрались, однако тотчас же приходили к полному согласию, когда дело касалось насмешек или оскорблений по адресу Агаты.

— Сколько мы отмахали, Нодлик?.. Давай бросай вожжи, у меня чай тут имеется, — откликнулся Кицум. — Холодная дорога леденит грудь и душу, пора маленько отогреться!

Агата никогда не могла понять, как можно одинаково относиться ко всем — и к ней, и к Троше, и к Нодлику с Эвелин, находившим своеобразное удовольствие в том, чтобы сделать девчонке-Дану очередную гадость.

— Чай? Ты сказал «чай», о величайший из комиков? — возопил Нодлик. — Гони сюда эту драную кошку! Агата! Давай шевелись, не то мигом у нас схлопочешь!

«У нас» было сказано не даром. Эвелин никогда не упускала случая принять участие в расправе.

— Оставь ее, Нодлик. Она драит котлы.

— А-а... самое место для такого дерьма, как эти Дану. Ну тогда Трошу сюда.

— Ага, ага, сейчас, господин Нодлик... — заторопился силач.

Нодлик швырнул ему вожжи (ловко угодив при этом концом одной из них Троше в глаз) и перелез с козел внутрь фургона. Был он высок, но весь какой-то нескладный, костлявый, изломанный, с длинной унылой физиономией, оживить которую не мог никакой грим. Лоб жонглера покрывали многочисленные ало-синюшные прыщи; редкие волосы, пегие от седины, висели сальными сосульками — а ведь Нодлику по людскому счету исполнилось всего тридцать пять!..

— М... уже встаем?.. — осведомился хриплый голос, как будто бы принадлежавший женщине. — Эй, стерва, мой завтрак готов?

«Стерва» было у Эвелин самым ласковым словом для Агаты.

— Она чистит котлы, подружка, — счел нужным заметить Кицум.

— Ну ты и козел... Нашел, что ей поручить... Пусть бы Онфим ей еще и за это всыпал — все развлечение...

Эвелин выбралась из-под пары одеял — в отличие от Агаты, довольствовавшейся какими-то лохмотьями, у всех прочих, включая Трошу, одеяла были нормальные, господа Онфимы понимали, что от простуженного артиста толку мало. Однако мысль о том, чтобы поделиться теплом с *Нелюдью-Дану*, не пришла в голову даже простодушному Троше. Собственно, в этом смысле он ничем не отличался от остальных.

Агата дернула щекой.

«Они все просто грязные свиньи. Грязные, пьяные, совокупающиеся свиньи. Свинья может опрокинуть Дану в грязь, но истинный Дану никогда не обернет свой гнев против нее», — хотя, по правде говоря, сия сентенция, извлеченная из Atann-eeuy Akhimm, Тан-эу-Ахим, если писать примитивными людскими буквами, Царственного Шестикнижия, последнее время что-то перестала утешать Агату.

Теперь все обитатели первого фургона были в сборе. Кицум, Нодлик, Эвелин, Агата и Троша, сидящий на козлах. Позади тащился второй фургон их цирка — существенно больше и богаче. Полог над ним был новым и прочным, без единой прорехи. Там ехали сам господин Онфим-первый, Еремей — заклинатель змей, братцы-акробатцы и Таньша — Смерть-дева, как прозывали ее ярмарочные зазывалы. Сам господин Онфим, как и положено хозяину, занимался сбором денег и раздачей жалованья. Его единотробный брат Онфим-второй сидел в Ежелине, отправляя посредством почтовых заклятий брату известия, где и когда будет выгоднее всего устроить представление.

Агата — прислуга, посудомойка, швея, повариха, танцовщица, музыкантша, акробатка, живая кукла, которую Кицум на потеху почтеннейшей публике лупил по голове и иным частям тела бутафорской плетью, живая мишень в аттракционе Смерть-девы — завершала список артистов «Онфима и Онфима». Излишне говорить о том, что никакого жалованья ей не полагалось. Тонкую шею Дану охватывал заговоренный ошейник из грубого железа. Она была рабыней без права выкупа.

— Давайте, давайте, на молитву, быстро, — торопил остальных набожный Нодлик. — А ты, данка, zenки свои богомерзкие опусти, неча тебе глядеть, как народ честной истинному Богу молится...

Истинный Бог. Который отдал в руки своего избранного народа всю землю, от окоема до окоема, испепелил его врагов, упрочил его твердыни

и придал несокрушимую мощь его оружию. И который неусыпно, каждый день, помогает ему и сейчас.

Все в фургоне, за исключением Агаты, затаили молитву. Церковь не допускала Дану ни к причастию, ни к крещению. Они имели право существовать либо как враги покоренные — то есть как рабы; либо как враги пока еще не покоренные, но это, конечно, временно.

Непроизвольно Агата прислушивалась к монотонно бубнящим голосам.

— ... И не попусти злу свершиться...

— Боже, избавь нас от...

Все обычно. Эту утреннюю молитву Агата уже заучила наизусть. Ее гнушали попы в рабском лагере, куда сгоняли всех только что схваченных, попам отвечали пропитые голоса стражников; тянули тюремщики в заведении для не желавших так просто смириться с рабским ошейником; бормотали жирные перекупщики, выклянчивая себе хоть немного удачи, то есть удачного обмана; шипели хозяйки, явившиеся выбирать себе прислугу, а мужу — наложниц, ибо Дану — не люди, а просто сосуд для удовлетворения низких мужичьих нужд...

Агата слушала молитву. Сколь же велика, наверное, власть этого нового Бога, если он дал в руки хумансам страшную, неодолимую боевую магию, на исконных землях Дану, эльфов, гномов, орков, троллей, кобольдов, половинчиков, хедов, гурров, гаррид и многих еще иных — помог создать мрачную Империю, страх и ужас всех нечеловеческих рас, ненасытное чудовище, пожирающее сердце и печень своих врагов, отхаркивающееся легионами, что идут все дальше и дальше, до самых океанских берегов. И вместо гордых лебединых кораблей эльфов и Дану, что неслись по волнам в стремительном полете, моря теперь раздирают таранные носы боевых галер, окочеванных красной медью...

...А Епископат усердствует, по всковому правилу «разделяй и властвуй», и вот уже полезные Империи Вольные, народ непревзойденных воителей, объявлены допущенными к причастию, вот уже покорившиеся половинчики объявлены «просвещения путем идущими», их городишки и деревушки обложены тяжелой данью, церковной, орденой и имперской десятинами, но — оставлены в относительном покое.

Церковь и маги милостиво позволили кое-как торговать загнанным глубоко под землю гномам, выполнять кое-какую черную работу оркам, троллям и гоблинам, пропускают они на имперские рынки и мрачные караваны кобольдов.

А богомерзкие Дану и эльфы объявлены вне закона. Как и несдавшиеся хеды, гурры, гарриды. Но эти едва ли по-настоящему понимают, что проис-

ходит, убийцы они и дикие кровопийцы, с ними вели беспощадную войну еще Дану, прежние хозяева лесов...

Руки Агаты, не требуя вмешательства головы, все это время усердно драили железные внутренности котлов.

— Ты что, уже закончила? — Эвелин придиричиво оглядела оттертую до немыслимого блеска сталь. — А вот мы сейчас проверим...

— Эй вы, там, на головном! — завопили сзади.

Агата подняла голову.

Здоровенный фургон господина Онфима-первого тянула аж шестерка запряженных парами лошадей. На передке восседал Еремей — заклинатель змей; впрочем, сейчас он не восседал, а как раз напротив, подпрыгивал и размахивал руками.

— На головном! Помолились уже аль нет? Господин Онфим спрашивают! И еще — слухай сюды! Господин Онфим данку немедля к себе требуют!

— Помолились, помолились, — буркнул Нодлик.

В мутноватом взгляде Кицума, устремленном на Агату, мелькнуло нечто похожее на сочувствие.

Хозяин бродячего цирка имел несчастье проснуться слишком рано. Обычно в пути он продираал глаза не ранее полудня. Молился; после чего брался за дела. Собственно говоря, это означало неприятности для всех без исключения артистов, в том числе и для братьев-акробатцев; лишь Смерть-дева, с энтузиазмом согревавшая господину Онфиму-первому по вечерам постель, могла чувствовать себя в относительной безопасности.

Здесь, посреди Суболичьей Пустоши, с висящим на плечах Смертным Ливнем, быть вышвырнутым из фургонов означало верную гибель. Господин Онфим и так был в ярости оттого, что добрую четверть сезонной прибыли пришлось отдать острагскому магу, наложившему на лошадей заклятье неумоимости.

Девушка-Дану скользнула за борт фургона, точно стремительная ласка. В ее движениях сквозила нечеловеческая гибкость и плавность, казалось, она не бежит, а течет, точно ручеек.

Обернувшийся Троша проводил Агату долгим взглядом и со вздохом причмокнул губами.

— Ну достанется ж сейчас этой стерве! — злобно хихикнула Эвелин. — Так я не пойму, мы что, без завтрака остались?

— Переживешь, — бросил невозмутимый Кицум. Как ни странно, он не торопился прикладываться к бутылке — то ли запасы и вправду иссякли, то ли ему во сне явился сам святой Сухорот, ненавистник пьющих.

Циклы Ника Перумова Вселенная Упорядоченного

Кольцо Тьмы

*Эльфийский клинок
Черное копьё
Адамант Хенны
Небо Валинора. Адамант Хенны*

Летописи Хьёрварда

*Гибель Богов
Воин великой тьмы
Земля без радости
Тысяча лет Хрофта*

Гибель Богов - 2

*Память пламени
Удерживая небо
Пепел Асгарда
Асгард возрожденный
Хедин, враг мой
Прошедшая вечность
Орел и дракон
Душа бога. Том 1
Душа бога. Том 2
(именно эта книга и
завершает основную историю
Упорядоченного)*

Летописи Разлома

*Алмазный Меч, Деревянный Меч
Рождение мага
Странствия мага
Одиночество мага
Война мага
Когда мир изменился
Восстание безумных богов.
Северная Ведьма
Эльфийская стража
Дочь некроманта
Вернуть посох*

Сказки Упорядоченного

*Охотники
Война ангелов*

Отдельные циклы и романы

Техномагия

Семь Зверей Райлега

*Тёрн
Алиедора
Имя Зверя*

Приключения Молли Блэкуотер

*За краем мира
Сталь, пар и магия
Остров крови*

Империя превыше всего

*Череп на рукаве
Череп в небесах*

Я, Всеслав

Конан и Карусель Богов

Александровские кадеты

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Пролог.....	6

Часть первая

Глава I. Бродячий цирк	7
Глава II. Все дороги ведут в Хвалин.....	22
Глава III. Начало пути Сидри.....	40
Глава IV. Смертный Ливень наступает	58
Глава V. Покушение	73
Глава VI. Погребенный Под Храмом.....	89
Глава VII. Что стало с людьми господина Онфима.....	111
Глава VIII. Хвалинский узел затягивается	124
Глава IX. Командор ордена Арк.....	146
Глава X. В башне огневиков.....	164
Глава XI. В подземельях Царь-Горы.....	188
Глава XII. Предложение Радуги	212
Глава XIII. Тварь из Тьмы.....	231
Глава XIV. Старые пути гномов.....	246
Глава XV. Трактир «Полосатый Кот»	262
Глава XVI. Обретение Драгнира	286
Глава XVII. Смерть всем магам	311

Часть вторая

Глава I. Смертный Ливень продолжается.....	328
Глава II. В Мельбине наступает ночь	353
Глава III. Сидри завершает свою миссию.....	376
Глава IV. Разговор с Хозяином Ливня.....	397
Глава V. Маг выходит из подземелий.....	418
Глава VI. Спасение Тави	439
Глава VII. Арк бросает вызов Хозяину Ливня	463
Глава VIII. Тяжелый разговор с баронами	489
Глава IX. Ультиматум козлоногих	515
Глава X. Штурм башни магиков.....	533
Глава XI. Голосование в Долине.....	558
Глава XII. Схватка Тави и Акциума с бестией.....	584
Глава XIII. Битва гномов и имперского войска	605
Глава XIV. Когда Два Брата получают свободу	641
Глава XV. Странное бездействие Радуги.....	664
Глава XVI. Сражение	684
Эпилог.....	714